

Блохин Валерий Фёдорович, Косарев Сергей Иванович

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (1877-1878 ГГ.) В ОТРАЖЕНИИ БРИТАНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Статья посвящена сложным отношениям между Россией и Англией в условиях Балканского кризиса середины 1870-х гг. Особое внимание уделено анализу восприятия британской и российской периодической печатью событий русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Авторы публикации на материалах прессы различных политических направлений стремились показать, как в новых условиях военного противостояния периодические издания этих стран не просто регистрировали ход военных действий, но и пытались активно в них вмешаться, направлять процесс формирования политических настроений как в своих странах, так и за их пределами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 22-27. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 32.019.51

Исторические науки и археология

Статья посвящена сложным отношениям между Россией и Англией в условиях Балканского кризиса середины 1870-х гг. Особое внимание уделено анализу восприятия британской и российской периодической печатью событий русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Авторы публикации на материалах прессы различных политических направлений стремились показать, как в новых условиях военного противостояния периодические издания этих стран не просто регистрировали ход военных действий, но и пытались активно в них вмешаться, направлять процесс формирования политических настроений как в своих странах, так и за их пределами.

Ключевые слова и фразы: Балканский кризис; русско-турецкая война; российско-британские отношения; общественное мнение; периодическая печать; военные корреспонденты; пропаганда; государственный режим.

Блохин Валерий Фёдорович, д.и.н., доцент

Косарев Сергей Иванович, к.и.н.

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Blohin.val@yandex.ru; kosarev@inbox.ru

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (1877-1878 ГГ.)
В ОТРАЖЕНИИ БРИТАНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ[©]**

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00229 а.

Участие Британской империи в процессе разрешения назревшего в середине 70-х гг. XIX в. конфликта на Балканах предполагало активное дипломатическое воздействие на противостоящих в нём Россию и Турцию. Редакции британских газет и журналов, в целом, разделяли эту политическую линию и с началом военных действий проявили благоразумие и осторожность. Например, газета «Times» заявила, что нейтральные государства легко могут быть вовлечены в войну, «поэтому с самого начала следует соблюдать величайшее благоразумие, так как ничто не может быть опаснее диких возбуждений и слепых угроз, и наша страна должна показать пример спокойной обдуманности» [24]. Однако очень скоро, по мере развития успеха в действиях русской армии, тон публикаций британской прессы резко изменился. Со всей очевидностью, политическая окраска выступлений газет, а именно о них главным образом будет идти речь в данной статье, зависела от идеологических пристрастий тех или иных изданий.

Обращение к осмыслению восприятия прессой иностранных государств русско-турецкого противостояния 1877-1878 гг. сохраняет свой исследовательский интерес и в настоящее время. Утверждение о том, что эта война была одной из наиболее «идеологизированных» войн России, а ее причины, ход и последствия в значительной мере зависели от фактора общественного мнения [5, с. 112], в полной мере подтверждается практикой участия тогдашних средств массовой информации в освещении происходивших событий. Благодаря очевидной активизации периодической печати различных стран, не просто регистрировавшей события, но и вмешивавшейся в их ход, направлявшей их течение, происходило формирование политических настроений, ценностных ориентиров, суждений и оценок как на уровне массового, так и индивидуального сознания. Отражению важнейших событий войны в британской и российской печати различных политических направлений посвящена данная статья.

С начала военных действий России против Порты в английской печати пользовалась большой популярностью концепция «варваров у порога цивилизации». Причем упор делался не только на российскую государственную систему, но и на общее неприятие со стороны россиян европейских порядков. Например, говоря о российских рядовых солдатах, участвовавших в русско-турецкой войне, английский корреспондент «Daily News» заявлял, что те «не могут выносить англичан и немцев, потому что они кажутся им слишком серьезными и у них есть безотчетная укоренившаяся неприязнь к обеим нациям» [17, р. 505]. Граф Эльхо в парламенте восклицал: «Какое зрелище может быть чудовищнее полуварварской, деспотической России, воюющей во имя цивилизации и свободы?» [9].

Газета «Morning Post» неоднократно отмечала разницу в степени цивилизованности между Россией и Турцией в пользу последней. В газетных публикациях содержались намеки на то, что Петербургом в разгоравшемся конфликте движет не что иное, как зависть перед тенденцией Порты к саморазвитию.

Британские периодические издания регулярно подчеркивали, что основными приоритетами для них выступают интересы английского общества. Однако если в России внимание к Балканам было приковано вполне естественными причинами непосредственного участия ее жителей в военных событиях, то на повседневную жизнь простых англичан эта война до определенного времени практически не оказывала влияния. «С-Петербургские ведомости» подмечали: «Прежде дело, а затем чувство, прежде ум, а затем сердце, прежде расчет, затем симпатия. Англичанину некогда гнаться за идеалами; он слишком занят действительностью, чтобы преследовать иллюзии» [Там же].

По мере развития военных событий на Балканах, благоразумие и осторожность во многих британских газетах начинают сменяться настороженностью и неприязнью по отношению к России. Печать все активнее пыталась отвлечь жителей Британии от повседневных забот и обратить внимание на потенциальную опасность, которую несли в себе балканские события.

«Видите этот страшный колосс¹, русский медведь всё одолеет, для него нет непреодолимых преград» [7]. Российские «Биржевые ведомости» в мае 1877 г. цитировали английскую «United Service Gazette», считавшуюся органом офицеров английской армии и чиновничества: «Пожалуй, опасаться вторжения русских в Индию неосновательно, но, тем не менее, надо принять меры против не менее опасного с ее стороны намерения ~~moral invasion~~» (нравственного вторжения)» [Там же]. Новый термин, определявший отношения с Россией, получил, по словам корреспондента газеты, широкое распространение в политических кругах Англии.

Богатая фактологическая основа, доказательность, надежность привлекаемых источников, использование собственных корреспондентов на местах событий позволяли английским газетам адекватно отображать реальную действительность, а при необходимости создавать полную иллюзию такого отражения.

В свою очередь, и в России, а также в ряде европейских стран в отношении Британской империи росла настороженность, подогреваемая беспокойством и сомнениями относительно курса, который может принять это влиятельное государство. Впрочем, по мнению известного английского журналиста А. Форбса, у каждого британца существовало чувство определенного удовлетворения в понимании этого беспокойства людей, проживавших на других территориях. Объяснение причин тому выглядит как минимум оригинальным: «Конечно, все британцы предпочли бы, чтоб их страна была предметом всеобщей и горячей любви, но за неимением этого это чувство (*неприязни – авт.*) намного приятнее нашему самолюбию, чем презрение или игнорирование, – рассуждал публицист. – Хвали меня или ругай меня», – услышал я однажды, как артист сказал критику, – мне все равно, что из двух, но, пожалуйста, не оставь незамеченным» [17, р. 198].

Английские корреспонденты не скрывали своих симпатий и антипатий в развернувшемся конфликте. От объема, частоты публикаций официальной информации, отражавшей те или иные события, от периодичности использования высказываний общественности по их поводу, от наличия и объема аналитических материалов, связанных с размещаемыми сведениями, зависела общественная оценка того или иного издания. Однако, даже выступая в качестве самостоятельной ветви власти («четвертая власть»), пресса полностью была зависима от общественного мнения и стремилась к его достаточно полному отражению.

Участник русско-турецкой войны, будущий военный министр А. Н. Куропаткин, говоря о содержании публикаций в зарубежной печати, отмечал: «В Европе громче всех раздаются крики нашего ~~национализма~~», который хочет разрушить Турцию, разрушить Австрию, разгромить Германию, забрать Царьград, при случае, пожалуй, и Индию» [6, с. 219]. Турецкая империя, которая находилась на грани своего развала, представлялась английским читателям газет в качестве страны, которая, в отличие от России, способна к изменениям, конечно же, под непосредственным воздействием со стороны Британии. Английские газеты постоянно подчеркивали, что в России нет и тени общественного мнения.

Основные настроения, существовавшие в британском обществе по мере развития балканских событий, нашли свое отражение в материалах печати. Общая сдержанность английской прессы по отношению к России после начала ею военных действий вызвала даже определенное замешательство. По общим предположениям, объявление Россией войны должно было быть встречено гораздо более ожесточенной пропагандистской кампанией в прессе. Однако причина этой благосклонности и миролюбивого тона вскоре была найдена: британское правительство обратилось к парламенту с просьбой об увеличении бюджетных средств на военные расходы. Поскольку не только в Европе, но и в Англии многие видели в этом шаге угрозу возможной войны, то он не вызывал одобрения в обществе, которое в этой ситуации следовало успокоить. Вот почему большая часть британской прессы демонстрировала свое миролюбие в отношении депеш российского канцлера и факта форсирования русской армией Дуная.

Переход российских войск через Балканы вызвал заметный всплеск негативного отношения к России в английской печати. Например, специальный орган премьера Биконсфильда газета «Standard» 7 июля 1877 г. заявила, что «необходимо объяснить русским, прежде чем они дойдут до Адрианополя, что у ворот турецкой столицы они встретят силы Англии» [20]. По мнению «Economist», «успехи русского оружия могут повлечь за собой приобретение Россией Армении и части территории Балканского полуострова, временное или даже окончательное занятие Константинополя, открытие для русского военного флота пути в Средиземное море через Дарданеллы, выдачу России турецкого броненосного флота и т.п. Все эти комбинации рассматриваются Британией как весьма неблагоприятные для английских интересов» [16].

Английская пресса стала представлять помощь России балканским народам исключительно как «макиавеллистскую политику», за которой скрываются завоевательные планы. В январе 1877 г. петербургская газета «Гражданин» констатировала: «Вообще интерес в Англии к России ежедневно возрастает, и Славянский вопрос, кажется, не охладил, а усилил этот интерес» [3].

Из английской печати следовало, что «Россия претендует на основание великой империи славянской расы, которая простиралась бы от северной части *студеного* моря до знойного Персидского залива и от Эльбы почти до Гималаев – Панславянской империи в 550000000 душ с центром в Константинополе» [14]. Газеты были полны нелепых слухов. Например, публиковалась телеграмма, в которой сообщалось о раскрытии заговора о взрыве Константинополя, в «Daily Telegraph» сообщалось, что турки вырезали треть русской армии [15].

¹ В английской печати Россию традиционно изображали в виде медведя, а Германию и Австрию – двуглавыми орлами.

Газеты отказались от критических дискуссий и приступили к активному манипулированию общественным мнением, формировали психологическую атмосферу в среде своих читателей, предлагая заранее подготовленные варианты осмысления событий Балканского кризиса. При этом общественное мнение выступало вовсе не в качестве конечной инстанции публицистического воздействия. Итогом должны были стать необходимые действия внешнеполитического ведомства Британской империи в отношении России. Более того, зазвучали призывы к европейским государствам: «Что же касается Босфора и Дарданелл, то давно всем известно, что Россия ищет расширения своих прав в этом отношении, и те, кто полагает, что она не поднимет этого вопроса, воображают, что она воюет по-пустому. Мы готовы и всегда были готовы выслушать заявление Россией этих прав, и когда она их заявит, европейским державам придется подумать, какой следует дать ответ» [3].

В октябре 1877 г. влиятельная вечерняя «*Pall Mall Gazette*», возглавляемая известным журналистом и редактором Фредериком Гринвудом, вынуждена была признать, что после битвы под Карсом «русские не только будут иметь возможность удержать за собой приобретенные ими выгоды, но и получают новые». Далее газета продолжала в присущем ей духе: «Англичанам нечего радоваться этой победе, она только придаст России больше охоты продолжать войну до тех пор, пока она совершенно не выгонит турок из Европы, а затем ей скатертью дорога в Индию» [19]. Вторила ей газета «*Standard*»: «Победа эта должна оживить в Англии опасения, от которых она напрасно потропилась отказаться» [21].

«*Morning Post*», «*Standard*», «*Daily Telegraph*» не скрывали своих воинственных позиций: «Долго ли мы будем оставаться в бездействии, – вопрошала «*Morning Post*», – в то время как Турция погибает под ударами превосходного в силах неприятеля? Необходимо принять энергичные меры немедленно, потому что в дело замешаны английские интересы и, конечно, нельзя ожидать, чтобы их вздумали защищать Германия, Франция, Австрия или Италия; единственной нашей союзницей является Турция, и мы должны помочь ей, пока еще не поздно» [18].

Российская консервативная газета «*Гражданин*» передавала возмущение, царившее в российских общественных кругах, по поводу содержания публикаций английской печати: «Когда же тон иностранных газет и даже депеш перестанет быть относительно России оскорбительным? Для них мы та же, зависящая от Европы, от Англии или Австрии – Турция, случайно только победившая на поле битвы. Англия обещает Турции *потребовать* от России скорого мира, Турция *требует*, чтобы Россия сделала то-то, *русское правительство просило* Порту прислать уполномоченных для переговоров, Австрия объявила, что *условий мира Россия не может предъявить Порте без предварительного согласия Европы вообще, и Австрии в особенности*, и т.д. Вот слова и вот тон, которыми ежедневно говорят о России австрийские и английские газеты...» [8].

Говоря о предвзятости корреспонденций в английской печати, в первую очередь имелись в виду компрометирующие материалы, внедряемые через средства массовой информации в среду политической элиты или в сферу международного общественного мнения. Одним из постоянных сюжетов на страницах английских газет становится изображение жестокостей, чинимых русской армией в отношении мирных жителей на территории, принадлежавшей Турецкой империи.

Публикации английской печати, в которых регулярно говорилось о «злодействах над женщинами, детьми и мертвыми мусульманами», в соответствии с поставленными задачами, привели к крайне враждебному настроению против России: «...тори за то, что мы бьем турок, виги – что даем резать христиан, взявшись их защищать», – отмечал в своем письме Н. П. Игнатьев [4, с. 125, 217].

Трубные призывы «газетных фанфар» возвестили начало широкой антирусской кампании, развернувшейся в британском обществе. По словам английского военного представителя в России Уэлсли, «в Лондоне в театрах требуют, чтобы играли «*Боже царя храни*», чтобы всякий раз освистать, а затем заставляют играть турецкий гимн, покрывают его аплодисментами» [Там же, с. 219]. Даже публикации авторитетного «*Times*», в которых говорилось о том, что о русских зверствах доказательств никаких не имеется, что «всему свету известно, что турки резали мужчин и незащищенных женщин и детей, ибо тела их были найдены тысячами» [25], не возымели широкого действия.

Всякое крупное политическое событие несет в себе противоречивые черты, и от интерпретации в печати зависит, какая из граней окажется перед глазами читающей публики. Война же, с ее несправедливостями, смертью, разрухой и нищетой, неминуемо влечет за собой жестокость со стороны обеих воюющих сторон. В позиции многих печатных органов лицемерие было вполне осознанным.

Однако следует отметить, что предвзятые сообщения в газетах о характере русско-турецкой войны могли оказать сильное информационное воздействие на читателя лишь тогда, когда эти сведения соответствовали его собственным представлениям. Уже к осени 1877 г. у значительной части британцев, впрочем, как и у многих жителей других европейских государств, взгляд на балканские события и на роль в них Российской империи обрел устойчиво негативный характер. Об этом говорил в августе в своем письме из Бельгии литературный критик П. В. Анненков: «Страшные вещи происходят в Турции, но страшнее их всеобщая, европейская радость от наших неудач. Точно от кошмара, все освободилось и вздохнуло свободнее, получив возможность думать, что Россия совсем не могущественная и первостепенная держава. <...> Я уже перестал говорить со здешними обывателями и наезжими немцами, которые тоже в восторге, что у нас нет порядка и генералов, похожих на их порядки и штабы, и таскаю только с собой свою горькую и беспощадную думу и тоску» [1, с. 348].

В периодической печати утвердился миф о жестокостях русских солдат на захваченных турецких территориях, и это при том, что армия давала слишком мало поводов к подобным толкам. Так, по сведениям официального корреспондента «Правительственного вестника» В. В. Крестовского, количество преступлений в русской армии, повлекших высшую меру наказания, составило всего только четыре случая. «Приняв

в соображение десятимесячный период времени и свыше двухсоттысячное число нашей действующей армии, эти четыре случая достаточно красноречиво говорят в пользу дисциплины и вообще нравственности наших военнослужащих, <...> самая придирчивая оценка, основываясь на таких цифрах, не могла бы укорить нашу армию в недостатке дисциплины и нравственности» [2, с. 177].

Александр II вынужден был распорядиться передать английскому правительству через его военного представителя в России Уэлсли, что поведение турок неминуемо вызовет ожесточение среди русских солдат. Российский император настаивал на том, чтобы до правительства Великобритании была доведена правда относительно поведения русских войск и о жестокостях, совершаемых над болгарским населением турецкой армией, о распоряжениях Порты, сознательно разорявшей свое мусульманское население.

«Могут быть, конечно, частные случаи злодейства или нанесенных ран в общей свалке, но русский человек мертвого, беззащитного, а тем менее женщину или ребенка бить и резать не станет», – утверждал Н. П. Игнатьев [4, с. 140]. Английские корреспонденты, находившиеся в расположении русских войск, свидетельствовали, что русские солдаты отличались «удивительным великодушием» по отношению к раненым и мирным туркам. Так, Арчибальд Форбс констатировал уважительное отношение в русской армии к турецкой армии под Плевной: «...как по сигналу, тон русских, как военных, так и гражданских, по отношению к туркам изменился, чьи зверства полностью забыты из-за их военного умения» [17, р. 197]. Дань вежливости отдали командовавшему обороной крепости Плевна Осман Паше.

Однако буквально каждый день войны приносил новые факты, которые можно было интерпретировать в зависимости от тех целей, которые ставили перед собой корреспонденты газет и журналов, а турецкое командование делало все возможное для того, чтобы обвинить русскую армию в преднамеренной жестокости. Так, по словам всё того же Н. П. Игнатьева, в Главной квартире турецкой армии в Шумле, 19 корреспондентам европейских журналов показали каких-то несчастных, потерпевших, вероятно, от черкес, а может быть, и от болгар, и убедили их подписать обвинительный протокол против России [4, с. 140].

Вопрос о мнимых зверствах, совершаемых русской армией, обсуждался в Британском парламенте. «Петербургская газета» сообщала: «Во всем этом деле в высочайшей степени знаменателен тот факт, что в английском парламенте *мог быть* поставлен таким образом подобный нелепый вопрос. Из него заключить бы можно, что в Англии есть еще люди *сомневающиеся*. Нет! Мы уверены, что тут даже и сомнения не было в том, что турки лгут, а в этом заявлении проявлялось только одно желание – раздуть это дело перед лицом Европы и показать, что русские, мол, не лучше турок» [15].

Газета «Times» посвятила этому вопросу передовую статью, в которой отрицала основательность обвинений в жестокостях, объявила их голословными и лишенными всяких доказательств. По мнению газеты, «Порта старается обвинить Россию, приписывая ей еще большие зверства, чтобы этим прикрыть свои собственные неистовства» [26].

В сентябре 1877 г. там же были опубликованы размышления полковника Брэкенбери, долгое время находившегося в расположении русской армии. Он заявлял, что сформированное английской печатью отрицательное отношение к России, эксплуатируемое английским правительством, легко могло повергнуть нацию в опрометчивую войну: «Но, к счастью, близка уже минута, когда здравый смысл восторжествует в Англии над предвзятыми идеями; реакция уже близка. Общественное мнение начинает оправдывать русскую армию от обвинений в жестокости, на нее взводимых, и скоро у нас сознают, что, хотя в настоящую минуту Россия действует, может быть, резко и не с надлежащим умением берется за дело, но, тем не менее, цель ее честна и благородна, и что, когда она достигнет этой цели, успех ее будет также благотворен для Англии, как и для человечества вообще» [27].

После падения Плевны в ноябре 1877 г. ведущее место на страницах английских газет заняла проблема английского вмешательства в события русско-турецкой войны. Характер и степень вмешательства рассматривался ими по-разному: газета «Times» последовательно в трех статьях с веской уверенностью оповещала: «Турки должны знать, что мы (*англичане – авт.*) драться за них не будем». По мнению издания, обязанность английского правительства заключается в том, чтобы вразумить Порту и убедить ее принять русские условия, как бы они тяжелы ни были, иначе Порта обрекает себя на окончательную гибель [29]. «Times» доказывала, что Турция в Европе никому не нужна; что если она вынудит Россию продолжать войну, то сила русских будет ежедневно возрастать, число их союзников увеличиваться, а силы и друзья турок таять. Англия же не вступится, поскольку «она никогда не пускается в предприятия, не обещающие успеха» [Ibidem].

Газета выражала надежду, что результаты, к которым привела война, будут признаны Европой за свершившийся факт и что в этом, и только в этом смысле, английское правительство может предложить посредничество. Газета уповала на то, что турки, наконец, поймут необходимость подчиниться силе событий и требованиям Европы [28], с грустью говорила о том, что придется, вероятно, примириться с обращением Болгарии в вассальное государство с иностранным, но только не русским принцем во главе, с независимостью Сербии и Румынии и с нейтрализацией проливов [30]. Схожая позиция относительно британского вмешательства была характерна для публикаций «Daily News».

Специальный печатный орган английского премьера «Standard», хотя и советовал Великобритании зорко следить за движениями русских и за Балканами, но не требовал немедленного «крестового похода». Напротив, газета выступила за то, чтобы английское правительство «употребило все усилия для примирения воюющих» [22]. Впрочем, примирительный тон издания был главным образом вызван трезвой оценкой британских военных сил.

В свою очередь, «Daily Telegraph» выражал надежду, что победитель не будет очень строг к побежденному, и советовал «друзьям-туркам» не упрямиться, а согласиться на все требования, направленные на улучшение положения христианских провинций. Однако «автономию Болгарии, разоружение крепостей, принадлежащих султану, уступку России Батума или Карса, *исключительное* пользование Россией Дарданеллами и Босфором» газета объявляла праздными мечтаниями России, о которых не стоило даже лишний раз говорить [2].

Начало 1878 г., знаменовавшееся заключением перемирия между Россией и Турцией, принесло новые настроения в печати. В Англии, благодаря газетам, широко распространился слух о том, что российские власти намерены выселить из Болгарии всех мусульман. Поводом послужили сообщения российской печати о том, что рассматривался проект выселения с этой территории турецких чиновников, баши-бузуков и черкесов [11]. Газеты были полны слухов о предстоящем разрыве дипломатических отношений с Россией, о заключении между Россией и Турцией оборонительного и наступательного союза против Англии.

«Сын Отечества» комментировал это следующим образом: «Они никак не могли переварить мысли о том, что Турция осмеливается отказывать англичанам в дозволении вступить в Дарданеллы и Босфор, в то время когда русские находятся в расстоянии одного перехода от Константинополя. Это заговор против Англии!» [10]. В сообщении от 13 марта 1878 г. в российской газете говорилось: «Тон английской печати по отношению к России становится все нахальнее и оскорбительнее; по-видимому, она задалась мыслью во что бы то ни стало навязать России роль подсудимой, от которой Европа, и в особенности Англия, требуют ответа» [12].

Таким образом, восприятие общественным мнением Британии российской самодержавной монархии как отсталого государственного режима являлось основой для большинства публикаций в английской печати, активно освещавшей события на Балканах. Газеты в такой степени активизировали общественное мнение в сторону неприятия России и ее политики на Балканах, что 2 марта 1878 г. «Times» пришлось даже призывать воинственно настроенных англичан быть в этих вопросах благоразумней [23]. «Благоразумие и умеренность» в оценках политической ситуации требовалось утверждать и в правительственных кругах. Уже в конце 1878 г. для европейских политиков было очевидным, что на объявленном предстоящем в Берлине международном конгрессе Британия не удовлетворится никакими уступками с российской стороны.

Список литературы

1. Анненков П. В. Письмо Стасюлевичу М. М., 24 августа 1876 г. // Стасюлевич и его современники в их переписке: в 3-х т. / под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 3. 791 с.
2. Двадцать месяцев в действующей армии (1877-1878). Письма в редакцию газеты «Правительственный вестник» от ее официального корреспондента, лейб-гвардии Уланского Его Величества полка штаб-ротмистра Всеволода Крестовского: в 2-х т., испр. и доп. СПб., 1879. Т. 2. 246 с.
3. Дневник // Гражданин. 1877. 23 января.
4. Игнатьев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма Е. Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий / подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. М. Хевролиной. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 333 с.
5. Кочуков С. А. Национальные стереотипы в общественном сознании России в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. Ч. 4. С. 112-114.
6. Куропаткин А. Н. Задачи русской армии: в 3-х т. СПб., 1910. Т. 3. 432 с.
7. Письма из Англии // Биржевые ведомости. 1877. 25 мая.
8. Роковые минуты // Гражданин. 1878. 8 января.
9. С-Петербургские ведомости. 1877. 24 марта.
10. Сын Отечества. 1878. 2 февраля.
11. Сын Отечества. 1878. 17 февраля.
12. Сын Отечества. 1878. 14 марта.
13. Турецкая ложь // Петербургская газета. 1877. 8 июля.
14. Туркофильская печать // Гражданин. 1877. 31 октября.
15. Daily Telegraph. 1877. 17 August.
16. Economist. 1877. 3 July.
17. Forbes A. The War Correspondence of the «Daily News» 1877-8. Continued from the Fall of Kars to the Signature of the Preliminaries of Peace. L., 1878. 599 p.
18. Morning Post. 1877. 17 November.
19. Pall Mall Gazette. 1877. 14 October.
20. Standard. 1877. 7 July.
21. Standard. 1877. 14 October.
22. Standard. 1877. 7 December.
23. The Times. 1877. 2 March.
24. The Times. 1877. 24 April.
25. The Times. 1877. 21 July.
26. The Times. 1877. 30 July.
27. The Times. 1877. 3 September.
28. The Times. 1877. 17 November.
29. The Times. 1877. 13 December.
30. The Times. 1877. 19 December.

RUSSIAN-TURKISH WAR (1877-1878) AS REPRESENTED IN BRITISH PERIODICALS

Blokhin Valerii Fedorovich, Doctor in History, Associate Professor
Kosarev Sergei Ivanovich, Ph. D. in History
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
Blohin.val@yandex.ru; kosarev@inbox.ru

The article is devoted to the complicated relations between Russia and England under the conditions of the Balkan crisis in the middle of the 1870s. Particular attention is paid to the analysis of the Russian-Turkish war (1877-1878) events perception by the British and Russian periodicals. The authors, by press materials of different political directions, show how the periodicals of these countries not only recorded the course of military operations, but also tried to intervene actively in them, to direct the process of political sentiments formation both in their countries and outside them in the new conditions of military confrontation.

Key words and phrases: Balkan crisis; Russian-Turkish war; Russian-British relations; public opinion; periodicals; war correspondents; propaganda; state regime.

УДК 316.662.2

Социологические науки

Согласно результатам социологического опроса, большинство студентов заочного отделения фармацевтического факультета ВолгГМУ имеют среднее фармацевтическое образование и работают по специальности. Они обладают мотивацией работать в сфере лекарственного обеспечения населения после окончания университета. Работодатели положительно относятся к получению их работниками высшего образования. Авторы статьи рекомендуют сохранить заочную форму подготовки провизоров в качестве связующего элемента между средним и высшим уровнями профессионального образования.

Ключевые слова и фразы: профессиональное образование; фармацевтическое образование; заочное образование; фармацевт; провизор; работа; профессиональная мотивация.

Брель Анатолий Кузьмич, д. хим. н., профессор

Басов Александр Викторович, к. соц. н.

Соколова Светлана Викторовна

Волгоградский государственный медицинский университет
cvsokolova@gmail.com

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТУДЕНТОВ-ЗАОЧНИКОВ,
ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФАРМАЦИЯ»[©]**

Фармацевтическое образование, как и любое другое профессиональное образование, решает две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, система подготовки кадров насыщает квалифицированными специалистами рынок труда [4, с. 56]. С другой – она создает возможности для профессионального роста и развития личности. Современному профессионалу необходимо непрерывно учиться в течение всей профессиональной карьеры [2, с. 36]. Заочная форма фармацевтического образования дает возможность получения высшего образования без отрыва от производства, на базе среднего фармацевтического или медицинского образования [1, с. 58]. В настоящее время активно обсуждается социальная востребованность и эффективность заочной формы получения высшего образования. Ставится вопрос о возможной ликвидации данной формы профессионального образования [3, с. 10].

Актуальность проведенного социологического исследования обусловлена тем, что изучение профессиональной мотивации студентов-заочников фармацевтических факультетов как основы профессионального выбора может стать одним из инструментов для оценки эффективности заочной формы получения фармацевтического образования в условиях сохраняющегося дефицита квалифицированных кадров в системе лекарственного обеспечения населения. Целью исследования стало изучение представлений студентов-заочников о профессиональной карьере после окончания вуза, а также отношения работодателей к подготовке провизоров в заочной форме.

Базой исследования явился Волгоградский государственный медицинский университет. В исследовании приняли участие студенты пяти курсов заочного отделения фармацевтического факультета: 1-й курс – 55 человек; 2-й курс – 51 человек; 3-й курс – 63 человека; 4-й курс – 39 человек; 5-й курс – 64 человека. Общий объем выборки составил 272 человека. Анкетирование проводилось в 2012 году.

Процентное распределение мужчин и женщин, принявших участие в исследовании, – около 6% и 94% соответственно. Обусловлено это, вероятно, спецификой гендерного состава фармацевтических работников.